

Большая бойцовая рыба

«РЕСТЛЕР» с Микки Рурком
рассказывает СЕРГЕЙ ПОЛОТОВСКИЙ

РЕСТЛИНГ – КАРТИНКИ С
ЯРМАРКИ, ЛУБОЧНАЯ ЛОЖЬ.
НО ВСЕ РАВНО БОРЦЫ ПАДАЮТ
И РЕЖУТСЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ

БАРАН (МИККИ РУРК) — белковый колосс на бутылочных ногах — зарабатывает хлеб насущный в поте и крови лица своего. Он профессиональный борец уже далеко не первой лиги в предпенсионном дивизионе «людей из 80-х». Когда-то на потешные бои с акцентированным членовредительством собирались стадионы, теперь публики поменьше. Приходится подрабатывать грузчиком, чтоб хватало на жизнь в трейлере и культпоходы в стрипклуб на сеанс танцевального психоанализа с доброй и тоже немного потасканной Кэсси (Мариса Томей). Бахтин сказал бы, что эта работница шеста и коленок дублирует персонаж Барана. В своем микроавтобусе груды мяса, испещренная рабочими шрамами, слушает металлические коллективы эпохи рейгановских «Звездных войн», а свободное время проводит за компьютерными играми с соседскими мальчишками, которые ей примерная интеллектуальная ровня.

Рестлинг — картинки с ярмарки, лубочная ложь. Борцы натужно играют страсти и ни в коем случае не хотят навредить друг другу, но все равно падают и режутся бытовыми приборами по-настоящему. После особенно отвратительной сцены со степлером Баран инфарктно попадает в больницу, откуда дорога либо на кладбище, либо в еще более скучную жизнь

обычных людей, работников сферы обслуживания. Ни тебе рева трибун, ни поздравлений в раздевалке от таких же как ты крепких мужиков в трико или лосинах. Баран пытается вписаться с ландшафт провинциального Нью-Джерси, послушно нарезая колбаску и взвешивая салатик за прилавком супермаркета, помириться с дочерью-старшеклассницей, которая папашу в гробу видала, перейти грань артист-клиент со справной и отзывчивой стриптизершей. Зажить не своей жизнью. Но тут как в анекдоте про бедолагу, убившего в цирке навоз за тиграми: «Чтобы я ушел из шоу-бизнеса?!».

Дарен Аронофски после претенциознейшего «Фонтана» с его акупунктурой по Блаватской взялся за деконструкцию фильма о преодолении себя. Схему «упал он больно, встал здоровый» Аронофски изменил на: упал, встал и окончательно расшибся. Лишив картину хэппи-энда, режиссер заработал много разных призов, но банальность, вывернутая наизнанку, уже не работает даже как парадокс Уайльда. Тонкие наблюдения — а мир рестлеров здесь ощутим и обоняем вплоть до запаха душевой — обесцениваются избыточностью, с которой они преподносятся. Отдельные сцены, особенно с трудным подростком-дочерью, пышат галактической неискренностью.